

В. Одоевский

**Сочинения князя В. Ф.
Одоевского**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-44

Одоевский В.Ф.
О-44 Сочинения князя В. Ф. Одоевского: Том 3 / В. Одоевский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 375 с.

ISBN 978-5-518-07988-5

ISBN 978-5-518-07988-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВИДѢТЕЛЬ.

(П О С В . А . И . К О Ш Е Л Е В У .)

....Я выскочилъ изъ коляски и цаловалъ родную землю. Звонъ русскаго православнаго колокола вывелъ меня изъ этого чувства самозабвенія , которое находить на душу при видѣ отчизны , особливо послѣ десятилѣтней съ нею разлуки. Невдалекѣ , на пригоркѣ бѣлѣлись стѣны монастыря. Забывъ усталость , я бросился въ отворенныя врата храма , не съ холоднымъ любопытствомъ путника , но какъ младенецъ бросается въ объятія матери. Это испытали всѣ послѣ долгой разлуки съ родиною.

Всенощная отошла. Сквозь полукруглыя окна проходили длинныя , багровыя лучи заходящаго солнца. волновались въ облакахъ церковнаго еиміама , и рядами ложились на свѣтлую позолоту иконостаса — какъ долгая , горькая , взволнованная кровавыми страстями молитва , достигшая наконецъ

Скиннн Завѣта души человѣческой. Свѣжій, вечерннй воздухъ проникалъ въ растворенныя двери. Миряне начали выходить изъ церкви; за ними черною полосой потянулась монастырская братня. Я стоялъ неподвижно; опустѣлый храмъ мнѣ казался еще величественнѣе, еще благодатнѣе. Его видъ наводилъ тѣ мысли, которыя исчезаютъ среди толпы, въ жизни мятежной, которыхъ не можетъ уловить слово, но которыя такъ внятно говорятъ сердцу. Почти неслышннй шорохъ заставилъ меня замѣтить, что я не одинъ. Въ отдаленномъ углу я замѣтилъ монаха, распростертаго на хладномъ помостѣ. Невольное любопытство заставило меня также остаться въ церкви. Наконецъ отшельникъ всталъ; лицо его освѣтилось лучами солнца.

Незнакомецъ, казалось, также узналъ меня. Мы сошлись ближе. «Ты ли эти, Ростиславъ?»

— Ты ли это, Григорій? — и мы бросились другъ другу на шею. Я узналъ стараго товарища по службѣ, стараго товарища моего дѣтства.

«Что значить твое платье? Что значить твое блѣдное, изнывшее лицо? Ты ли это, удалой гусарь, украшеннй петербургскихъ баловъ?»

Монахъ не отвѣчалъ ни слова, вздохнулъ глубоко и повелъ меня въ свою келью. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

«Вскорѣ послѣ твоего отъѣзда въ чужнй край, я отправился въ отпускъ къ роднымъ; въ семьѣ я нашелъ матушку, уже очень слабую и больную;

моего младшаго брата я почти не узналъ : въ его возрастъ человекъ такъ быстро перемѣняется, — а я уже лѣтъ пять не видалъ его; теперь ему было около семнадцати лѣтъ; онъ былъ прекрасенъ собою и самаго милаго юношескаго характера. Матушка не хотѣла отпускать его; она его одного изъ всѣхъ дѣтей кормила сама, а ты знаешь, что это обстоятельство производитъ между матерью и дѣтьми какую-то таинственную, неразрывную, почти физическую связь, которая усиливаетъ въ высшей степени и безъ того горячее материнское чувство, и не проходитъ съ лѣтами. Вячеславъ совсѣмъ-было согласился на желаніе матери. Но когда онъ увидѣлъ мой блистательный мундиръ, мои усы, наслышался моихъ розказней о полковомъ, пріятельскомъ кругу, о театрѣ, о всѣхъ наслажденіяхъ петербургской жизни, — онъ позабылъ просьбы матери, свои обещанія, и сталъ неотступно просить у нея позволенія вступить въ военную службу. Я присоединилъ къ его просьбамъ мои; я представилъ матушкѣ всѣ выгоды, которыя ему доставитъ этотъ родъ жизни; напоминалъ ей, что мы будемъ другъ другу подпорю; обещалъ быть при Вячеславѣ неотлучно, быть для него не только братомъ, но отцомъ. Послѣ долгой борьбы, матушка однажды наединѣ подозвала меня къ своимъ кресламъ и сказала : «Я не могу больше противиться вашимъ просьбамъ. Я не хочу, чтобы дѣти мои могли когда либо обвинять меня въ томъ, что я помѣшала ихъ счастію въ жизни. Возьми Вячеслава съ собою; но, Ростиславъ, не

радуйся моему согласію : ты не знаешь, какую отвѣтственность я на тебя налагаю ; если бы я могла отъ кресель дойти до кареты, я поѣхала бы съ вами, но это было бы бесполезно ; для меня, старухи, все равно 700 верстъ, или семь сажень — мнѣ за вами не угнаться ; я была бы вамъ только помѣхою въ жизни, а ты знаешь, что я не принадлежу къ числу тѣхъ матерей, которыя, по какому-то эгоизму, любятъ держать дѣтей своихъ возлѣ себя на привязи, хотя и увѣрены, что имъ собою надоѣдаютъ. Теперь слушай : Вячеславъ дитя ; онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, не знаетъ ни людей, ни жизни, но ты, Ростиславъ, ты уже не ребенокъ : ты перешелъ это время страшнаго кризиса, когда въ головѣ чловѣка нѣтъ ни одной собственной мысли, когда онъ не можетъ себѣ дать ни въ чемъ отчета, когда каждое слово, погромче другаго произнесенное, можетъ совратить его съ прямого пути. Ты естественно будешь имѣть сильное вліяніе надъ твоимъ братомъ ; еще долго онъ будетъ думать твоею головою, чувствовать твоимъ сердцемъ, жить твоею жизнію. Береги себя, береги его. Я не прійму отъ тебя никакихъ оправданій : что онъ сдѣлаетъ, въ томъ ты будешь виноватъ передо мною ; въ твоихъ сношеніяхъ съ братомъ ты долженъ все предвидѣть, все предупредить, и въ его поступкахъ ты мнѣ дашь отвѣтъ, и въ сей и въ будущей жизни.» Эти слова до-сихъ-поръ звучать въ моемъ слухѣ. Матушка была растрогана — я также! Я въ душѣ былъ твердо убѣжденъ, что ея

довѣренность ко мнѣ не напрасна, и далъ ей страшную клятву исполнить ея священный завѣтъ.

«Срокъ моего отпуска приблизился, мы вырвались изъ объятій матушки. Вячеслава я уложилъ въ коляску почти безъ памяти : онъ плакалъ какъ ребенокъ.

«Я не буду описывать тебѣ первыхъ годовъ нашей петербургской жизни. Я не могъ жаловаться на Вячеслава : онъ былъ немощно вѣтренъ, но за то сохранилъ всю дѣвственность души, столь рѣдкую нынѣ между молодыми людьми ; бездѣлица его огорчала, бездѣлица его же веселила ; онъ былъ весь наружу, говорилъ все, что ему ни приходило въ голову ; въ веселую минуту прыгалъ по столамъ и стульямъ, въ грустный часъ не могъ удержаться отъ слезъ ; иногда по цѣлымъ часамъ бѣгалъ по комнатамъ съ Боксеномъ, молодою лягавою собакою ; я тогда говаривалъ, что они любили другъ друга по симпатіи характеровъ, ибо одинъ былъ такой же бѣшенный, какъ другая. Въ-самомъ-дѣлѣ, Боксенъ, неприступный даже для меня, позволялъ Вячеславу дѣлать съ собою все, что приходило въ его вѣтреную голову, и когда, бывало, они вмѣстѣ разыграются, надобно было имѣть все мое хладнокровіе, чтобы или не расхотаться, или не разсердиться не въ шутку ; но признаюсь, мнѣ больше нравилось дѣтское простодушіе моего брата, нежели ранняя расчетливость нѣкоторыхъ изъ его товарищей, которые, казалось, были дипломатами

еще въ колыбели. Я познакомилъ его со многими домами; возилъ на балы; онъ танцевалъ усердно, съ полнымъ, искреннимъ удовольствіемъ; его веселый, открытый видъ не могъ не нравиться: дамы волочились за нимъ безъ всякаго милосердія, принимая его за настоящаго ребенка, а онъ, проказникъ, какъ говорится — *faisait le gros dos*. Я любовался, смотря на него, какъ отецъ на свое дитя.

«Наконецъ наступилъ давно, нетерпѣливо ожидаемый день: Вячеславъ былъ произведенъ въ корнеты; изобразить его радость невозможно; знакомый съ чиннымъ притворствомъ нынѣшней молодежи, онъ безпрестанно вертѣлся передъ зеркаломъ, то той, то другой стороною, чтобы лучше видѣть свои эполеты; потомъ, то бросался обнимать меня, то надѣвалъ трехугольную шляпу, то таскалъ Боксена за лапы. «Ты знаешь ли, Боксепъ,» говорилъ онъ, «что я теперь корнетъ? Понимаешь ли ты это? — Знаешь ли, что ты теперь будешь ходить по Невскому Проспекту со мною, съ господиномъ корнетомъ?»... И, казалось, Боксенъ понималъ его; по крайней мѣрѣ, махалъ хвостомъ, и отвѣчалъ на слова Вячеслава громкимъ лаемъ. Всѣ эти простыя происшествія нашей тогдашней жизни, всѣ слова Вячеслава такъ живы въ моей памяти.

«Слеза скатилась съ рѣсницъ отшельника; онъ глубоко вздохнулъ, призадумался, вѣроятно, для того, чтобы собрать свои мысли, и наконецъ продолжалъ:

«У одного изъ нашихъ товарищей, Вецкаго, былъ старшій братъ, служившій въ статской службѣ»

бъ. Я очень любилъ его ; онъ былъ человекъ весьма замѣчательный по своему уму, но отъ роду я не видывалъ человека болѣе неловкаго : онъ былъ физически какой-то недоносокъ, и потому очень слабого здоровья. Онъ имѣлъ сознаніе своего физическаго безсилія, и потому не позволялъ себѣ никакого удалства, даже никакого гимнастическаго упражненія. Онъ ходилъ медленно, осматривая каждый шагъ свой ; ѣздилъ верхомъ такъ, что кавалеристу нельзя было смотрѣть на него безъ смѣха, и когда молодежь гарцовала на горячихъ скакунахъ, онъ боязливо осведомлялся, какая лошадь смиряе, и тщательно осматривалъ, хорошо ли подтянута у ней подпруга. Къ тому же, онъ имѣлъ какой-то недостатокъ въ выговорѣ, который заставлялъ его говорить протяжно, почти заикаясь. Можешь себѣ представить дѣйствіе, которое онъ производилъ въ кругу молодыхъ, ловкихъ кавалеристовъ, полныхъ жизни и отваги, часто доходившей до безразсудства. Вецкій былъ хорошій товарищъ ; его любили, но всякій почиталъ обязанностію трунить надъ нимъ, надъ его нѣжнымъ сложеніемъ, неразвязностью, надъ его осторожностью, которая часто походила на боязливость. Вецкій сносилъ все эти насмѣшки съ величайшимъ хладнокровіемъ ; иногда отдѣлывался умной шуткой, иногда самъ съ другими смѣялся надъ собою, но чаще не зналъ что отвѣчать на неожиданныя вылазки, ибо, казалось, и умственныя его способности были такъ же неразвязны, какъ тѣлесныя. Онъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ людей, которыхъ легко сбить съ толка, забросавъ ихъ словами, и которые, часто, никакъ въ первую минуту не найдутся. Но такое состояніе было неприятно Вецкому, хотя онъ и старался скрывать гнѣвъ свой подъ всегда спокойною, холодною наружностію; видно было, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не терять власти надъ собою, приговаривая съ улыбкою, что ему сердиться *нездорово*. Съ нѣкотораго времени, я замѣчалъ, что братъ мой больше всѣхъ трунить надъ Вецкимъ, но мы всѣ такъ уже привыкли смѣяться надъ нашимъ *фрачникомъ*, такъ привыкли видѣть въ немъ забавное препровожденіе времени, что я не обращалъ на поведеніе моего брата особеннаго вниманія; оно всѣмъ намъ казалось такъ естественнымъ. Дѣло было въ томъ, какъ я послѣ узналъ, что Вячеславъ приревновалъ Вецкаго къ одной красавицѣ, которой, по странному капризу, больше нравился нашъ неловкій чудакъ, нежели мой ловкій, прекрасный кавалеристъ.

«Новые офицеры должны были, что говорится, *спрыснуть свои эполеты*; они разобрались днями, чтобы сперва пировать у одного, потомъ у другаго, но скорый выходъ полковъ изъ казармъ въ окрестности Петербуга заставилъ ихъ отложить свои пирушки до-тѣхъ-поръ, пока не перейдутъ совсѣмъ на лѣтнія квартиры. Наконецъ, наступили дни пирушекъ. Ты не можешь имѣть объ нихъ понятія; десять лѣтъ — цѣлый вѣкъ въ Россіи; миновалось время грубыхъ, необузданныхъ оргій, которыя ты

еще помнишь; нынѣ молодые люди благоразумны даже за бутылкой вина; нынѣшнія оргіи — чинны, благородны; на нихъ можетъ присутствовать женщина не краснѣя, но несмотря на это, шампанское попрежнему производитъ на людей свое дѣйствіе, отъ него также поднимается кровь въ голову. Правда, нынѣ, говорятъ, уже не честь пить до того, чтобы свалиться подъ столъ, но по прежнему отъ вина человѣкъ становится веселѣе, быстрѣе, неожиданнѣе въ движеніяхъ, и по прежнему всѣ его чувства становятся живѣе; всякая мысль, иногда забытая въ глубинѣ души въ трезвомъ состояніи, растетъ подъ поливкою шампанскаго, какъ подъ микроскопомъ. Пирушка происходила въ небольшой деревенской избѣ; на шампанское не скупился; къ тому же пирушка была не первая, и головы всѣхъ, даже Вецкаго, были, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Вотъ ужъ два часа за полночь. Мнѣ стало душно; я вышелъ изъ избы, пошелъ по деревнѣ; какъ теперь помню, ночь была холодная, свѣтлая: я съ наслажденіемъ впивалъ въ себя свѣжій воздухъ, любовался видомъ деревни, которая уже начинала багровѣть отъ первыхъ лучей зари; все было тихо, но свѣтился лишь домикъ, въ которомъ была пирушка; въ окошкахъ мелькали тѣни; до меня доходили хохотъ и веселые крики молодежи. Вдругъ... все стихло; при этой внезапной тишинѣ я невольно вздрогнулъ; сердце мое сильно забилося, будто я услышалъ страшную, недобрую вѣсть. Не отдавая себѣ отчета въ моихъ чувствахъ, я неволь-

но удвоилъ шаги, возвращаясь къ избѣ. Когда я вошелъ въ нее, предчувствіе мое оправдалось : со мною въ дверяхъ встрѣтился Вецкій, съ шляпою въ рукахъ ; онъ не сказалъ мнѣ ни слова, но былъ блѣденъ, какъ полотно, и подъ равнодушною улыбкой тщетно хотѣлъ скрыть внутреннее волненіе.

«Мнѣ тотчасъ рассказали, что случилось въ мое отсутствіе : пустая ребяческая шалость, но которая должна была окончиться кровью....»

«Молодые люди открыли окошко на дворъ; одинъ изъ нихъ вздумалъ выскочить изъ него, за нимъ другой, потомъ третій ; кто падалъ, кто ушибался, потому, что окно было довольно высоко. Общій смѣхъ, опасность возбудили въ молодежи странное самолюбіе : всѣмъ захотѣлось испытать, не сломятъ ли кто себѣ шею при этомъ подвигѣ ?»

«Ну ты что же?» сказалъ братъ старшему Вецкому, съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не намѣренъ скакать — отвѣчалъ Вецкій холодно.

«Нѣтъ! ты непременно долженъ скакать.»

— Я тебѣ сказалъ, что не хочу.

«Ты не хочешь скакать,» отвѣчалъ братъ, разгоряченный виномъ, «потому что ты трусъ.»

— Я не совѣтую тебѣ повторять этихъ словъ — сказалъ Вецкій.

Бѣдный братъ не помнилъ самъ, что говорилъ, что дѣлалъ.